DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.1.8>

УДК 304.444

ББК 60.9

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Елена Геральдовна Васильева

Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии,
Волгоградский государственный университет
vasilievaeg@yandex.ru, socpol@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются исторические и современные практики благотворительности, обобщаются особенности институционализации благотворительного процесса в российском обществе. Понятие «институциональная благотворительность» указывает на универсальные тенденции развития благотворительности: дифференциацию видов социальной помощи, общую технологизацию и инструментализацию благотворительной сферы, оценку благотворительности с точки зрения эффективности ресурсного управления. Результаты сравнительного исторического исследования показали, что инструментальная установка совмещается с исторической социокультурной традицией, для которой характерны специфическая структура легитимации и неформальные организационные порядки благотворительности. На массовом уровне благотворительность обосновывается в рамках религиозно-этических ценностей, но не в концептах «общественное благо», «общественная польза», «социальный капитал» и «социальная репутация». Содержание неформальных организационных порядков благотворительности определяется функциями социальной маркировки, учитывающей сетевые социальные взаимодействия определенного сообщества, локализованного в общем социальном пространстве – времени. К числу основных особенностей российской благотворительности относятся: доминирование государственно-общественной благотворительности в сравнении с другими организационными формами (частной благотворительностью, корпоративной благотворительностью, муниципальной благотворительностью, НКО-благотворительностью); взаимосвязь социальных легитимаций благотворительности с процессами социокультурной интеграции и идентификации; социальное регулирование благотворительности на основе совмещения религиозно-этической мотивации и механизмов «ин-

ституциональной благотворительности»; значительное влияние НКО на развитие современных технологий благотворительности (проектные и фандрайзинговые технологии); значительное влияние Интернета на универсализацию практик благотворительного участия; изменение социальных легитимаций благотворительности вследствие возникновения «гуманитарной» благотворительности и развития открытой (публичной, акционистской) благотворительности. В итоге благотворительность можно определить как взаимодействие, направленное на развитие гармоничной социальной среды, отражающее историческую традицию общественной солидарности.

Ключевые слова: институциональная благотворительность, мировой рейтинг благотворительности, социально-исторические тенденции благотворительности, сравнительное историко-социологическое исследование благотворительности, социокультурные ценности благотворительности.

Новые явления в российской благотворительности, связанные с развитием волонтерства, фандрайзинга, акций-флешмобов, медиа- и интернет-проектов, а также структурированием деятельности социально ориентированных НКО и благотворительных (донорских) фондов, указывают на институциональную интеграцию «западного» опыта и практик благотворительного участия [2]. В этой связи следует обратить внимание на формирующиеся международные экспертные системы сравнительной оценки социальных изменений в данной сфере, которые легитимированы идеями универсализации социально-исторического процесса и унифицируют представление о благотворительности с точки зрения ее «общественной пользы» и финансовой эффективности. Так, одна из наиболее известных систем – «Рейтинг мировой благотворительности» (реализуется международной благотворительной организацией CAF совместно с социологической службой Gallup) – охватывает данные по 153 странам и представляет собой индексированный показатель, учитывающий следующие индикаторы: денежные пожертвования в благотворительные организации; работа в волонтерских организациях; непосредственная благотворительная помощь людям [3]. Практическое значение указанной системы оценки связано с тем, что она ориентирует на управленческие решения, обеспечивающие массовое участие населения в благотворительности, а ее концептуальным основанием выступает понятие «институциональная благотворительность».

«Институциональная благотворительность» связывает универсальные тенденции

сферы благотворительности с усложнением процесса ее социальной организации (дифференциацией практики благотворительного участия и администрирования, профессиональной специализацией управленческой деятельности и возникновением благотворительных фондов – системы опосредующих институтов, аккумулирующих ресурсы данной сферы), а также его общей рационализацией на основе реализации принципов эффективного управления и на основе внедрения технологий социальной мобилизации населения и вовлечения бизнеса.

В этой связи представляется актуальной проблема применимости концепта «институциональная благотворительность» к современным российским реалиям и исторической традиции. Благотворительность соотносится с «вне-рыночной» мотивацией и сферой субстанциональной рациональности, что ограничивает влияние универсальных «императивов» функциональной рациональности. Социальная трансформация данной сферы невозможна без легитимации универсальных элементов в рамках «мира повседневности», интегрирующего традиционное и инновационное в определенном организационном порядке и практиках действия.

Вопрос о том, насколько изменилась российская благотворительность по сравнению с прошлыми веками и насколько интегрированы социальные инновации, связанные с инструментальной рациональностью, в данную сферу, исследовался в рамках проекта «Феномен благотворительности в российском провинциальном социуме на рубеже XIX–XX и XX–XXI столетий», посвященного сравнению

форм благотворительной поддержки в г. Царицыне и г. Волгограде [1, с. 252–270]. Результаты исследования позволили уточнить представление о благотворительности как о процессе, отражающем культурно-исторические традиции и универсальные тенденции социального развития.

В целом полученные данные указывают на устойчивость (воспроизводимость) определенных характеристик благотворительности – легитимационных ценностей и организационных порядков, которые соотносятся с исторической традицией. Так, социокультурная легитимация благотворительности как ценности обосновывается преимущественно в рамках религиозно-этических максим, выступающих в качестве дисциплинарных установок действия на личностном, индивидуальном уровне – христианской любви, милосердия и долга, но не в концептах «социализированного» знания, предполагающего отношение к благотворительности с точки зрения общественного блага. Смысловое мотивирующее содержание благотворительного действия связано в большей мере с символическими значениями «сочувствия – пожертвования / спасения», «социальной справедливости» и «помощи неимущим», но не с рационализированной установкой «благотворительного участия» как действия, приносящего общественную пользу, способствующего приобретению социального капитала / репутации.

Несмотря на то что индивидуальная мотивация благотворительности не предполагает какого-либо «расчета», а ее социальная легитимация соотносится с субстанциональной рациональностью, практики благотворительного действия обнаруживают определенный, обладающий функциональностью, организационный порядок, который проявляется на локально-территориальном уровне (например, в муниципальных сообществах). В этом случае практики благотворительности характеризуются следующими особенностями:

- они в большей мере являются локальными и «мобильными» (отвечают ситуативным потребностям и интересам определенного социально-территориального сообщества, носят адресный характер);

- определяются неформальными социальными правилами, укорененными в социо-

культурной традиции и связанными прежде всего с социальной квалификацией приоритетности определенных категорий получателей и направлений социальной помощи;

- предполагают неявные социальные конвенции относительно правил благотворительного участия различных групп, включая формы социального признания благотворителей;

- складываются под влиянием властной иерархии и сетевых деловых коммуникаций, выступают одним из способов маркировки и интеграции элитных групп общества;

- реализуются в контексте процессов территориальной самоидентификации, связанных с функционированием «мы-сознания».

Можно сказать, что локальные неинституционализированные практики благотворительности ориентированы на социокультурное воспроизводство территориального сообщества, что определяет специфичность социальных легитимаций в отношении благотворительности. Так, например, в Волгограде к наиболее устойчивой форме общественного партнерства относятся взаимодействия в сфере социальной поддержки пожилых людей, которые выражают культурно-историческую традицию города, связанную с его особой ролью в Великой Отечественной войне. Данные взаимодействия являются действительно массовыми и, если не формируют, то значительно влияют на иерархию современных символических легитимаций в отношении благотворительности.

В то же время современная благотворительность характеризуется существенными изменениями, связанными с появлением нового организационного порядка «институциональной благотворительности», адаптацией и интеграцией в социальную повседневную среду социальных инноваций, к которым относятся, прежде всего, институт социально ориентированных НКО и проектная технология реализации социальных инициатив. В настоящее время в Волгограде действуют свыше 74 организаций благотворительной направленности (из них 43 относятся к благотворительным фондам), которые реализуют различные виды социальных проектов (от социальной поддержки незащищенных групп общества до гуманитарных просветительских проектов) и ориентированы на формирование массовых уста-

новок благотворительного участия. Основная направленность проектов в отношении категорий благополучателей следующая: инвалиды – 23 %; молодежь и дети – 19,6 %; малоимущие и социально незащищенные слои населения – 15 %; лица с алкогольной (наркотической) зависимостью – 6,5 %; другие объекты, в том числе забота о животных – 6,5 %; заключенные и вышедшие из мест заключения – 5 %; жертвы военных конфликтов / стихийных бедствий / терактов – 5 %; беженцы и вынужденные переселенцы – 3,2 %; защита природы – 3,2 %; строительство религиозных культовых объектов – 13 %.

Новый организационный порядок связан со структурами взаимодействий, которые характеризуются следующими особенностями:

- они включены в институциональные социальные системы действия и соответственно регулируются формальными правилами, имеющими отношение к сфере благотворительности (предполагают декларирование цели деятельности, социальную отчетность и т. д.);

- они реализуются преимущественно в рамках благотворительных акций, то есть предполагают открытость благотворительных инициатив и пожертвований;

- они ориентированы на публичность – массовую работу с населением в целях привлечения волонтерских и фандрайзинговых ресурсов (что создает определенные риски девальвации гуманистических принципов благотворительности как «человеческой» социальной помощи и в итоге нивелирует возможности использования новых благотворительных технологий).

Организационный порядок институциональной благотворительности соотносится с административными и ресурсными структурами благотворительного взаимодействия. При этом административная структура реализуется в рамках взаимодействия «благотворительные фонды – организации НКО – государственные контролирующие органы», а ресурсная – в рамках «субъекты благотворительности – интернет-технологии – волонтеры – благополучатели».

В целом, обобщая результаты сравнительного исследования, можно указать на следующие тенденции развития российской благотворительности:

1. Воспроизведение в современной практике благотворительной деятельности основных исторических форм – общественной (сектор НКО), частной (бизнес) и государственно-общественной (государственные учреждения социальной защиты) благотворительности.

2. Изменение соотносительного значения указанных форм в структуре современного благотворительного процесса: приоритетность и доминирование государственно-общественной благотворительности; снижение влияния частной благотворительности и практическое исчезновение «именной» частной благотворительности; активное развитие общественной благотворительности.

3. Устойчивость оказания социальной помощи наиболее незащищенным социальным группам (инвалиды, дети-инвалиды и дети-сироты, недееспособные пожилые люди) в качестве приоритетного направления благотворительной поддержки.

4. Развитие сферы благотворительного участия, связанное с возникновением нового вида благотворительной поддержки – «гуманитарной» благотворительности (проектов социальных инициатив, направленных на развитие сферы образования и культуры, сохранение исторического наследия, создание благоприятной среды проживания, охрану здоровья населения). Данный вид характерен в первую очередь для общественной формы благотворительности.

5. Сохранение и воспроизведение мотивационной структуры благотворительного участия в контексте требований религиозной этики и общественной морали, укорененных в исторической практике благотворительности, что подтверждается возрождением традиции активной благотворительной поддержки православной церкви (прежде всего со стороны среднего и малого бизнеса).

6. Формирование новых мотивационных установок благотворительного участия, характерных в первую очередь для профессиональных институтов и агентов благотворительности (ресурсных НКО, благотворительных фондов и отчасти для крупного бизнеса). Данные установки связаны с рационализированными концептами «социальной ответственности бизнеса», включающими требование оценки благотворительности в категориях эффективнос-

ти, «прозрачности» финансового администрирования, социального аудита и социального капитала.

7. Тенденция относительной институционализации благотворительного действия по сравнению с исторической социальной практикой, которая характерна прежде всего для общественной формы благотворительности (связанной с благотворительными фондами и НКО) и которая проявляется прежде всего в распространении программно-целевых технологий реализации социальной поддержки.

8. Сохраняющаяся «стихийность» благотворительного процесса и общая несформированность институциональной системы благотворительного участия, что проявляется в неустойчивости институциональных взаимодействий всех структур благотворительной поддержки (прежде всего бизнеса и сектора НКО), в низкой оценке институциональных ресурсов, влияний и факторов благотворительности со стороны бизнеса (и отчасти экспертного сообщества НКО).

9. Сохраняющиеся установки государственно-частного партнерства в развитии системы общественной благотворительности, проявляющиеся в стремлении к приоритетной поддержке институциональных взаимодействий с государственными учреждениями социальной защиты населения, областными и муниципальными властными структурами и подведомственными учреждениями (прежде всего со стороны бизнеса и отчасти организаций сектора НКО).

Обобщение данных изменений позволяет концептуализировать благотворительность не только с позиции рациональных принципов управления (которые представлены в таких требованиях институциональной благотворительности, как адресность помощи, прозрачность финансирования, программно-целевой подход и т. д.), но и с позиции ее социальной эффективности – совместимости данных принципов и исторической традиции социального развития российского общества. Благотворительность в итоге может определяться как практика социального взаимодействия, поддерживаемая всей системой институтов социальной помощи и проявляющаяся во всех формах социальных инициатив, направленных на развитие комфортной и гармоничной социальной среды, отра-

жающая историческую традицию общественной солидарности как основу социокультурной идентичности сообщества.

Данное понимание благотворительности не только дополняет существующую научно-исследовательскую концепцию «институциональной благотворительности», но и обеспечивает объективную оценку новых институциональных практик и возможных противоречий в исторической динамике благотворительности с учетом столкновения социокультурной традиции и «технологизированных» стандартов, порождаемых обществом модерна и постмодерна. В этом случае социокультурные исторические установки благотворительности и современные универсальные технологии благотворительности оказываются равнозначными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева, Е. Г. Феномен благотворительности в провинциальном социуме на рубеже XIX–XX и XX–XXI столетий : монография / Е. Г. Васильева, И. Н. Литвинова, О. А. Карагодина. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. – 307 с.
2. Карагодина, О. А. Интернет-благотворительность как социальный феномен современного российского общества / О. А. Карагодина // Новый университет. Серия «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». – 2012. – № 9 (18). – С. 26–29.
3. World Giving Index 2014. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.cafonline.org/about-us/publications/2014-publications/world-giving-index-2014> (Date of access: 11.01.2016). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vasilyeva E.G., Litvinova I.N., Karagodina O.A. *Fenomen blagotvoritelnosti v provintsialnom sotsiume na rubezhe XIX-XX i XX-XXI stoletii* [The phenomenon of charity in provincial community: late 19th – early 20th centuries and late 20th – early 21st centuries]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2013. 307 p.
2. Karagodina O.A. Internet-blagotvoritelnost kak sotsialnyi fenomen sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Charity in the Internet as a social phenomenon of the modern Russian society]. *Novyy universitet. Seriya: Aktualnye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2012, no. 9 (18), pp. 26–29.
3. *World Giving Index* (2014). Available at: <http://www.cafonline.org/about-us/publications/2014-publications/world-giving-index-2014>. (accessed January 11, 2016).

TRENDS AND PROSPECTS OF INSTITUTIONAL CHARITY IN RUSSIA

Elena Geraldovna Vasilyeva

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Sociology,
Volgograd State University
vasilievaeg@yandex.ru, socpol@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article represents the historical and contemporary practice of charity, as well as the specifics of the institutionalization of charity in Russian society. The institutionalization of charity includes: differentiation of social assistance; development of new technologies, including fund-raising and volunteer initiatives; effective resource management; transparency of investments; social reporting. This is based on the instrumental approach to charity: a functional estimation of its resources, volunteer initiatives and social consequences. We can say that the social attitude towards charity becomes more rational. How universal tendencies are represented in Russia and how they influence social and cultural traditions? Comparison of charity practices in the city of Tsaritsyn (late 19th – early 20th centuries) and the city of Volgograd (late 20th – early 21st centuries) showed the following: the approach of rational instrumental legitimization of charity is not widely spread. Participation in charity initiatives is based on religious values. The author also identified informal interaction structures affecting the arrangement of philanthropy in local communities. In this case, the charity serves functions of social integration, cultural identity, distinguishing the elite groups. Specifics of Russian charity is also marked by the following: the dominance of state and public charity; significant impact of public sector organizations in the development of modern technologies charity; the impact of the Internet on the charity practices equality; change in public opinion on charity as a result of a new practice in Russia – high-scale and public charity activities with flash mobs elements.

Key words: institutional charity, world rating of charity, socio-historical trends of charity, comparative historical and sociological research of charity, socio-cultural values of charity.